

Вардван Варжапетян

ПАЗЛ-МАЗЛ

Записки гроссмейстера

Роман

Вардван Варжапетян Пазл-мазл. Записки гроссмейстера

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=427512

Пазл-мазл. Записки гроссмейстера: Время; Москва; 2010

ISBN 978-5-9691-0550-8

Аннотация

Это первое на русском языке художественное произведение о еврейском партизанском отряде, действовавшем в годы Великой Отечественной войны, рассказ о буднях людей, загнанных в исключительные условия. «Не думал, что для того, чтобы поверить в Бога, надо убить человека» – так начинается этот роман – книга-исход, книга-прорыв, книга-восстание.

Содержание

Пазл-мазл	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Вардван Варжапетян

ПАЗЛ-МАЗЛ

Записки гроссмейстера

У трех народов я в долгу – русских, армян, евреев.

Моя мама Анастасия Хохлова из рязанской деревни Медвино дала мне жизнь и родную речь – русский язык.

Отец, армянин из древнейшего города Ван, пережил геноцид 1915 года. Он дал мне имя и фамилию.

Еврейка родила мне сына. И вторая моя жена – еврейка. Без нее не родилась бы эта книга.

А я родился 21 сентября 1941 года в эвакуации, в Уфе. Живу в Москве.

Выпустил большие двадцати книг; их герои – Овидий, Ли Бо, Омар Хайям, Франсуа Вийон, Афанасий Никитин, доктор Ф. П. Гааз. Сделал новый перевод Торы (Пятикнижия Моисея). Основал армяно-еврейский журнал «Ной» (1992 – 1995). Издал книгу «Число бездны» (1998). «Пазл-мазл» можно считать продолжением «Числа бездны».

Член Союза писателей СССР, член Русского ПЕН-центра. В писатели меня рекомендовали фронтовики – Борис Васильев и Булат Окуджава, и узник гетто Саша Гельман.

Пазл-мазл

Маргарите Хемлин

*Неподдельны те слезы,
которые вы сейчас увидите,
и злобы жестокой деяния,
и страдания наши...*

Р. Леонкавалло. Паяцы

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Не думал, что, для того чтобы поверить в Бога, надо убить человека. Но со мной, Вениамином Яковлевичем Балабаном, случилось так. Хотя ради объективности надо принять к сведению, что сначала это меня хотели убить. За что? Больше всего убивают людей как раз ни за что.

Меня не просто хотели убить. Меня планировали, на картах вычерчивали, на секретных совещаниях за стальными дверями готовились убить. И пришли по мою, Балабана, душу. Кто именно? Гитлер.

22 июня,

ровно в четыре часа,
Киев бомбили,
нам объявили,
что началась война.

Не знаю, кто засек точное время. Вероятно, компетентные органы. Мало ли где что бомбят... Могли происходить маневры, ошибка бомбометания, взлетел склад боеприпасов – диверсия, вредительство, часовой заснул на посту, а окурок не погасил. Так что спите спокойно, «граждане и гражданки» (так товарищ Молотов обратился к советскому народу; больше всего меня как раз поразило ударение: гражданки). Но это уже в полдень, а не в четыре утра.

Да еще нервы накрутил Левитан: «Сегодня в двенадцать часов будет передано важное правительственное заявление».

Первым все понял дедушка. Так и сказал:

– Нехама, выключи его. Дай доспать мирную жизнь.

«Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города – Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие».

Что значит «некоторые другие»? Как в таких случаях говорил Рашид Нежметдинов: «Некоторых я знаю. А другие кто?» К слову сказать, он меня чуть не утопил в Волге. Взял и бросил за борт, как Стенька Разин персиянскую княжну. Ко-

гда в Чебоксарах устроили турнир на кубок 400-летия добровольного вхождения Чувашии в Россию. Попробуй не войти при Иване Грозном! Слава богу, что турнир устроили не при нем. Но все равно еще при Сталине, в 1951-м. Про что мы спорили, не помню. Багром меня из Волги вытащили. А на Рашида Гибятовича зла не держу, потому что он сделал беспримерный дубль – стал в 1950-м чемпионом России и по шашкам, и по шахматам.

Так вот, возвращаясь к «некоторым другим»... Хотелось бы поточнее. В них, между прочим, тоже люди живут или их родственники. Неужели их так много, *некоторых*?

Понимаете, у меня есть одна слабость (о других распространяться пока не буду): люблю точность. Хотя бы приближительность, а не «и др.», «и т. д.».

Математика – наука не веселая и не скучная. Она точная. Не в смысле: точность – вежливость королей, а в смысле вежливости мироздания, которое устроено точно, надежно и неотменимо. Вечность и есть недостижимая, непостижимая точность. Должно же быть на свете хоть что-то точное. Ведь нельзя прожить всю жизнь приблизительно.

Уж если речь зашла о точности, уточню и жанр моего повествования. Это не роман, не мемуары, не исповедь. Может, путевые заметки? Интересно, что было бы с Торой, если бы Моисей обозначил ее жанр? Она ведь тоже в некотором смысле «путевые заметки» сорокалетнего странствия евреев из Египта до реки Иордан. Но Тора есть Тора. А моя руко-

пись – просто собрание «сердца горестных замет» (А. Пушкин. Евгений Онегин).

Сразу хочу извиниться: хотя у меня хорошая память, как и должна быть у гроссмейстера, но буду много цитировать по документам, печатным и устным источникам, ведь речь не только обо мне, но о событиях всемирной важности.

После слов *«Победа будет за нами»* дедушка возложил на себя драный талес¹, до которого никто не смел дотрагиваться, и долго молился. Скорее сердито и жалобно кричал Всевышнему, словно Тот оглох и ослеп. Кричал, как пророк Исаяя народу, – шепотом пояснила мне бабушка, а одно место даже перевела на ухо: «И придет на тебя бедствие: ты не узнаешь, откуда оно поднимется, и нападет на тебя беда, которой ты не в силах будешь отворотить, и внезапно придет на тебя пагуба, о которой ты не думаешь».

Одно шипящее слово рассмешило меня, какое-то из детской страшилки: *«шоа»*. Но бабушка сердито ущипнула меня за коленку. «Никогда не повторяй его!»

Лицо деда стало землистым, глаза запали, крупный пот, как воск, застревал в морщинах. От этого пота даже воняло, как от укуса. Потом собрал всех за столом, кто был в доме: бабушку, маму, папу, нас с Идой, забежавшую на минутку Сусанну Гальперину. Сказал бабушке: *«Гис»*. Это на идише – «Наливай». Она налила вина в серебряную чарку.

¹ Белое, в черных полосах, покрывало, надеваемое евреями во время молитвы.

Достал из-под подушки толстенную книгу (я подумал: молитвенник), велел бабушке читать вслух. Она замечательно читала. И сейчас слышу ее голос.

– Лейб Толстой. Велт унд криг.

– Аид?

– Их вейс?²

Об этническом составе и географическом положении наших Чярнух сразу скажу: местечко. Много нищеты, много грязи, много запахов, а больше всего много слов. Райцентр! До Вильнюса, Чернигова, Витебска ехать одинаково. А переходили, как карты в «дурака», то к Польше, то к Литве, то к Украине, то к Белоруссии. Река для всех одна и та же – Глыбень, впадает в Десну, Десна – в Днепр, Днепр – в Черное море.

Местечко – этим все сказано. Исконно-титulyная нация – евреи (*укр.* еврэи, *белор.* яурэі, *польск.* жида, *нем.* jude). А на Смоленщине называли «ивреи». Это мне рассказал давний знакомец – профессор Красухин, пушкинист. У него там много родни погибло. А он там мальчиком после войны жил в деревне. Наслушался. «Немец нас не трогал. Обложил налогом каждую избу, но все как есть оставил. И корову, у кого была, и кур». – «Да немцы же выслеживали кур и бросались на них, сам видел в кино в деревенском клубе», – возразил Гена. Ему пояснили: «Они не курицу, а ивреев высматрива-

² – Лев Толстой. Мир и война.– Еврей?– Я знаю? (*идиши*).

ли. Если зайдет иврей к тебе в избу, а ты не скажешь, пропала твоя головушка. А если скажешь – тебе и тушенки дадут, и молока сгущенного, и хлеба. И колбасы в консерве. Я такую колбасу больше никогда не ел. Могли и шнапсу налить». – «А с ивреями что?» – «Которых ловили? Выводили из избы и убивали. Вон, – показывали на овраг, – поставят иврея, стрельнут, он вниз и скатится». – «И много людей убили?» – не унимался Гена. «Которых в избу заходили не так чтоб много. Иврей хитрый. Понял, что в избу заходить не надо, в лесу прятался. Тута его и ловили. А уж если ты его высмотрел да немцу сказал – и колбасы даст тебе, и шнапсу, и много чего еще».

В общем, произносили евреев по-разному, жизнь отнимали по-разному, и только евреи одинаково становились из живых неживыми, превращались в трупы, останки, кожу и кости, прах пепел, дым. Это и есть *триумф воли*. А проще: бей жидов, спасай Германию!

Еще жили белорусы, поляки, украинцы, литовцы, немцы, несколько чехов и цыган, один итальянец. Русских не помню. Они пришли осенью 1939-го все сразу. Как говорится, со своим добром: танками, советской властью, ВКП(б), НКВД, исполкомом, пионерской дружиной. Все вдруг стали говорить по-русски. На идише, конечно, тоже говорили, но тише и не так громко жестикулируя.

Первые слова я пролепетал на идише. Какие – не помню и спросить не у кого. Самое страшное – когда не у кого спро-

силь.

А знаете, кого Гитлер хотел повесить первым, когда возьмет Москву? Правильно, Левитана.

В человеке ведь самое главное – голос. Не только у теноров, басов, меццо-сопрано. Вот говорят: глаза. А вы еще попробуйте некоторым посмотреть в глаза. Потом, это же надо близко подойти. Хотя как сказать... Приведу пример с моим другом Борисом Шапиро. По образованию физик. Поехал он с женой в Германию. Коллеги решили ему показать живописности Рейна. И вот в одном пейзаже Боря восхитился цветущей яблоней и сломал ветку – жене преподнести. Вдруг видит: кто-то бежит, грозитя, кричит: «Schmutzige judische Schwein!»

Оказалось, земля принадлежит запыхавшемуся господину. Шапиро извинился: глубоко сожалеет о нехорошем поступке и просит извинить – он хотел ветку преподнести жене, ей трудно ходить после операции, но он возместит ущерб...

Достал бумажник. Немец обиженно отказался от денег. Мало того: убежал и прибежал с букетом роз для фрау; он надеется, что даме будет приятен такой знак внимания с его стороны.

Боря поблагодарил и спросил:

– Скажите, а как вы с такого расстояния разглядели, что я *грязная еврейская свинья*?

Немец побелел. Потом стал серым.

– О, у меня даже в мыслях не было, что вы еврей! Я со-

вершенно не имел вас в виду, просто я очень рассердился.

Так что близко-далеко – понятия относительные. Но если б все было относительно, нас с вами просто не было бы на свете. Меня-то уж точно. Однако есть абсолютные понятия и величины. Есть, в конце концов, аксиомы, то есть истины, не требующие доказательств. Одна из них (по крайней мере для меня и еще для 6 258 673 – шести миллионов двухсот пятидесяти восьми тысяч шестисот семидесяти трех убиенных евреев) такова: этот господин с розами для больной жены Бориса Шапиро (герр Мюллер, как он представился), когда ему было двадцать лет, пришел убить Борю (который тогда еще не родился), его родителей, бабушку с дедушкой, всех родственников, даже однофамильцев, вообще всех – до одного – евреев.

Ну, к Шапиро, допустим, у Мюллера могли быть претензии: вот родится, вырастет, приедет в Германию, обломает яблоню... Но я-то при чем? Какие ко мне претензии? Тем более у Гитлера.

Психи.

Но мне повезло. Я лицом к лицу встретился с тем, кто пришел убить меня. И он не был похож на психа.

Минутку. Звонят в дверь. Почтальон. Заказное письмо из Хайфы от Эдуарда Дыскина. Зовет в гости. Прислал русскую газету. Фото Эдика и подпись: «Герой-партизан, отец героя

Эли Дыскина».

Не знаю, кто в Хайфе знает Эдика, но его сына точно знает весь Израиль. Израильский Маресьев, командир танка. Уничтожил 202 вражеских танка, из них 39 в одном бою. Он живет в Тель-Авиве. Первым делом Элька повез меня в армейский Дом инвалидов. Чего там только нет: медицинские кабинеты всех специалистов, кружки, как в Доме пионеров, спортивные секции, танцевальный зал, спортивный бассейн, тир для слепых, духовой оркестр, джаз, ресторан, куда мы и закатились.

Конечно, я не удержался, спросил его, как он ухитрился подбить столько «арабов»?

– Дядя Веня, я бы и сто сжег. У меня такой экипаж был! – И заплакал. – Такие ребята были!

Я клял себя: дурак, зачем спросил! Два экипажа у него сгорело, он выжил, но на нем живого места нет, на него и мужику-то глядеть страшно.

Батальон, где он служил в войну Судного дня³, оборонял Голаны. Там сошлось танков, как на Курской дуге, чуть не две тысячи!

Сидим, пьем лимонную водку, закусываем рыбным ассорти, у каждого полная тарелка силоса, и все речь ведем про войну: как мы с Эдиком партизанили, у нас тоже получилась

³ *Война Судного дня* началась 6 октября 1973 года в Йом-Кипур (Судный день), самый скорбный день для евреев. В тот день Египет напал на Синай, а Сирия – на Голанские высоты.

еврейская война, только не с арабами, а с немцами, полица-
ями, бандеровцами и всякими лесными батьками.

– Элька, папа не рассказывал, почему он ест только мясо
и рыбу, а от зелени его тошнит?

Дыскин зверски давит каблуком мой ботинок и кашляет,
будто подавился. Весь побагровел. Понимаю. Одно дело: ко-
рова щиплет травку, коза, овечка. А когда люди пасутся...
С правого фланга у меня Вася Шмуклер, пограничник, два
побега из плена, у нас в отряде он разведчик, в роте Идла
Куличника. Он ботаником мечтает стать после...

А я? Мечтал о шашках из черного и белого хлеба: взял –
съел. А пока рву травку, перетираю зубами. Зубы придержи-
ваю пальцами, чтобы не выпали. Съедобное – несъедобное?
Все одно жрешь, рука сама тащит зелень вместе с землей, и
не знаешь, от чего скорее подохнешь: от поганки, бузины или
от голода. «Ибо душа наша унижена до праха, утроба наша
прильнула к земле», как пел под гусли царь Давид. Поэтиче-
ский образ. А тут по земле расползлись не образы – люди. Да
какие! Цены им не сложить. Никакую цену за них не назна-
чить. Хотя немцы давали по килограмму соли тому, кто вы-
даст еврея. И колбасу в консерве. А мы паслись на поднож-
ном корму. Кору и траву варили в болотной воде. Без соли,
конечно.

С правого фланга, слышу, пасется Ошер Гиндин, громы-
хает скелетом, как динозавр. Чярнухинский богатырь, груз-
чик на пристани. При таких габаритах в Красной Армии да-

вали бы ему в обед бачок первого и второго. Но мы не в армии, не на фронте и не в тылу, потому что тыловикам тоже хоть какое довольствие положено. А нам ничего. Лягушек не осталось в болоте, всех поели. Моя Ида жалуется: «Детям нечего считать на уроках».

У нас же своя лесная школа. Даже две: *ешибот*, *хедер* – назовите, как хотите, – где *меламед* (то есть учитель) Рубинов учит мальчиков Торе и Талмуду. А второй заведует моя Ида. У нее все вместе – мальчики, девочки; для всех детей любого возраста три предмета: чтение, чистописание и счет. С чтением лучше всего, есть книжки: Пушкин, Шевченко, Коцюбинский, Леся Украинка, Якуб Колас. С письмом плохо – писать нечем и не на чем. Пишут на проолифенной фанере кусками обожженной глины. Пробовали угольками – только перепачкались. А сперва упражнялись на Гиндине: обряжали в его черный тулуп, ставили как классную доску, он еще и тряпку с мелом держал. Спина широченная, знай пиши. Но мелки кончились. Да и Ошер сильно исхудал. Стали на пень его сажать, как медведя. Но и сидеть тяжело без питания. Приспособили фанеру.

Счет устный, в уме – даже лучше для умственного развития. Давно замечаю, что многие (в том числе с высшим образованием) не могут считать в уме. Сколько будет 17×9 ? Сразу за калькулятор или компьютер. На бумаге ручкой уже не пишут, не умеют столбиком перемножить простые трехзначные числа. «В уме? А зачем?» Затем, что ты, допустим,

на рынке. «Так продавец сосчитает». А ведь должности занимают. И второе: не могут читать вслух, запинаятся. Отвыкли, разучились читать губами и языком. И опять: «Что я, артист?» При чем здесь «артист»? Ты человек, вот при чем! Если рукой не двигать, она ослабнет, онемеет, отнимется. Так и мозг. Если какую-то его способность не задействовать, она зачахнет (по-гречески *атрофео*), потеряет жизнённость, омертвевает.

Ида приставала ко мне, чтоб я учил детей счету: вы же математик! Во-первых, я тогда еще не закончил Минский университет, только перевелся на четвертый курс, доучивался там же, но уже после окончательной победы. Во-вторых, я же в роте Берла Куличника, у нас боевая задача: снабжение и охрана всего нашего лагеря – тридцать с лишним землянок, бараков, палаток, нор, шалашей плюс мастерские, лазарет, инфекционное отделение, баня, склад, синагога... Начиная с «мастерских» до «синагоги» все как бы – и есть, и нет. Не буду вдаваться в подробности. А в-третьих. Что прикажете мне с учениками считать?

Эники-беники ели вареники,
Эники-беники-клец!

Эники и Беники сами сосчитаются после урока. Нет, про вареники считать нельзя. Что еще малыши считают? Яблоки, груши, сливы. Пирожки, пряники, конфеты. Сами по-

нимаєте, такіе слова даже вслух произносить запрещалось. Считаєм дальше. Рубли и копейки. Их нет. Может, у кого-то припрятаны даже золотые монеты, не знаю. Дальше. Никуда нельзя ни пройти, ни проехать, только пробраться. И как вы себе представляете такую задачу? «Один человек выбрался живым из пункта А и пробирался в пункт Б. Другой человек пробирался ему навстречу. Расстояние между А и Б десять километров. Спрашивается: когда они встретятся?»

Это вопрос! А ответ... скорее всего, никогда.

Жизнь неразрешима. То есть нам, евреям. Ну, вы понимаете. Для этого не надо быть математиком. Так что же прикажете детям считать? У нас была девочка из Бухенвальда, может, ксендз Кулак через связных привел ее к нам. С ней никто не играл. Она играла сама с собой: подпрыгивала по очереди на одной ножке, подбрасывала желтый камешек, ловила и пела песенку-считалку: «За-га-зу-ют или нет. За-га-зу-ют или нет».

Я излечил ее от этой считалки. Небом. Хорошо, что было тепло, а не холодно. Сказал: «Вера, давай считать облака». Мы легли рядышком, чтоб голова не кружилась. И стали считать облака.

А счет детям стал преподавать Масловец из Чярнух, он был бухгалтером в птицетресте. В отряд пришел со своими счетами. Вот на этих счетах, представьте, всех научил четырем действиям арифметики: сложению, вычитанию, деле-

нию, умножению. Он и в отряде вел весь партизанский баланс: спи сочный состав, число бойцов, боеприпасы, съестное.

Ихл-Михл Куличник, наш командир, не раз повторял: «Пусть у мужика голова болит, как нас прокормить». Но у него самого голова от этой думы день и ночь болела. Сидит на сосновом пне, жует пучок заячьей капусты с таким видом, будто пробует спаржу. Сапоги начищены, фуражка со звездой, выбрит, даже ногти чистые, как у барышни. А к нему (краем глаза вижу) по-пластунски крадется оружейник Бровман. Шепчет, а слышно: то ли от лесной тишины, то ли голод обостряет слух.

– Товарищ командир. Я ж средний офицерский состав, орденосец. Выдайте хоть по ложке муки за орден.

– Бровман, выдал бы и два котелка, если б мог. Терпи. Ты же офицер. Налегай на витамины.

Вот и налегаем. Расползлись по полянам, ищем лещину, щавель, заячью капусту, кислицу, грибы хоть какие.

Отполз Бровман. Подошел к командиру средний брат его Берл (Идл у Куличников *мизиникл*, младшенький). Подростком я мечтал стать таким же сильным и смелым, как Берл. Он занимался боксом и гимнастикой Мюллера. На соревнованиях мы всем двором болели за него, я громче всех орал.

Чемпион Чярнух в тяжелом весе. Еврей-тяжеловес. Еще тяжелее (во всех отношениях) был мельник Пинхус-Лейба – отец Ихла-Михла, Берла и Идла.

У Куличников была мельница. Мы мальчишками бегали смотреть, как мелют рожь, гречку, пшеницу. Даже горох. Видели когда-нибудь гороховую муку? Зеленоватая и в пальцах скрипит, как крахмал. Мельничиха угощала нас пышками, да еще даст в кульке два утиных яйца, чтобы я передал маме.

Всегда Куличники жили на хуторе. Дед их купил землю у графа Тышкевича, которому принадлежала вся наша округа, 27 тысяч гектаров земли – это мой дедушка сосчитал. Он все считал: сколько секунд в году, сколько букв в Торе, сколько льняных семян вместится в бабушкином наперстке. От него у меня дурная привычка считать все ненужное.

С Идлом мы два года вместе ходили в хедер к меламеду Пинскеру. После хедера мы еще шли брать уроки музыки: он у Людмилы Игнатьевны Скибинской, ученицы знаменитого пианиста Пухальского, я – усваивать тайны бельканто у маэстро Ненни. По вечерам Идл играл на белом аккордеоне в ресторанчике «Лев в красном обруче». Меламед жаловался Куличнику-отцу, но там все решала их мама Двойра: мальчик приносит гроши в дом, а не выносит из дома, что здесь плохого?

Про Берла я уже сказал. Гордость местечка. Чемпион. Был молотобойцем у брата старой Двойры, но ушел от дядьки-кузнеца к ювелиру Житомирскому.

А был еще часовщик Тверской, жил через дом от нас. Если он что не мог починить, тогда шли к Житомирскому. Да и сам Тверской (в крайнем огорчении) однажды посовето-

вал маме, когда сломался дедушкин «мозер» с двумя золотыми крышками: на верхней отчеканен раненый солдат под знаменем с красным крестом, на нижней крышке – надпись: «Слава героям за правду. 1914 – 1916». Подарок Российского Красного Креста воинам, потерявшим зрение на поле боя. Дедушка, правда, потерял левый глаз на русско-турецкой войне, при взятии селения Горный Дубняк. Я был там, это под Плевной. Не горы, даже не высота, но турки оборонялись отчаянно. А штурмовала Горный Дубняк 16-я дивизия генерала Скобелева (формировалась в Минской и Могилевской губерниях, потому почти четверть личного состава говорила на идише). Потери при штурме всегда тяжелые. Отступили. Но унтер-офицер Файнерман с криком «Шма, Израэль!»⁴ поднял в атаку свое отделение, увлекая за собой штурмовую колонну.

Дедушка служил в той же роте, что Файнерман, и тоже, по его рассказам, был «ундером». И очень уважал горькую настойку «Горный Дубняк». Я, к слову сказать, тоже.

А часы сломались, потому что я их пытался разобрать. Когда мама принесла израненный «мозер» Тверскому, часовщик в великой печали сказал маме: «Пани Балабан, это не ко мне». Фамилия Житомирского им не произносилась, но все и так все понимали. Самое смешное, что за часы Житомирский с клиента денег не брал, чтоб не отбивать хлеб у Твер-

⁴ «Слушай, Израиль!» (*ивр.*) – первые слова главной ежедневной еврейской молитвы.

ского. Но если какой-нибудь умник шел напрямик к нему, ювелир смотрел механизм, далеко и быстро высовывал маленькую взъерошенную голову, пристально смотрел умнику в глаза и подвигал к нему часы обратно. И тоже все знали: это к Тверскому.

Где они все, которых я назвал? Пинхус-Лейба Куличник и его Двойра, Пинскер, ювелир Житомирский, часовщик Тверской? Где те, у кого ломались или не ломались часы? У кого вовсе не было часов? Где евреи нашего местечка? Где «хитрые ивреи» Смоленщины?

В самой сырой земле, которая только есть на свете. А те, что спаслись, – спасибо Ихлу-Михлу! Старый Куличник думал ему оставить дело. Ихл-Михл мог разобрать и собрать мельницу, как часовщик – часы. Но Ихлу-Михлу нравилось быть солдатом. Срочную он служил в польских уланах, еще полгода дослуживал до хорунжего. Потом оказался в Испании, но это я узнал после и не уверен, что он на самом деле воевал в Испании, – я имею в виду старшего из братьев Куличников. А вот что сам видел: вернулся он в сентябре 39-го вместе с Красной Армией. В кожанке, галифе, фуражке со звездой и наганом, – начальником милиции. И бабником, каких Чярнухи сроду не видывали. Многие мужья грозились переломать ему ноги.

Я влюбился в его зловещую улыбку, как у ковбоя Ринго Кида. Кто видел «Дилижанс» с Джоном Уэйном, тот меня

поймет. Ихл-Михл был копия ковбоя Кида: походочка, улыбочка и стрелял без промаха. Потом, в лесу, он уже не улыбался, но зловещая печаль осталась. Даже еще зловещей стала.

Сколько раз я смотрел «Дилижанс», слушая, как маэстро Ненни добывает старенькое пианино. Мне страшно было и за пассажиров дилижанса, и за инструмент.

Кстати, о звуках, звучании, тональности, вообще мелодике. Литературный текст, который я пытаюсь написать, будет с музыкальным сопровождением от начала до конца и завершится кодой (*coda* по-итальянски хвост), но это уж как получится.

И другая красная нить, или, точнее, силовая линия напряжения. Вы, скорее всего, не электрик, не металлург. Я тоже. Но много бывал на заводах – по линии пропаганды русских шашек в трудовых коллективах. После войны началась кампания за приоритеты в науке и технике. Как говорится, Россия – родина слонов, пустотелого кирпича, граненого стакана. И пропагандировались исконно-русские состязания, забавы, игры: лапта, городки, перетягивание каната, гири и, разумеется, шашки. Конечно, шашки – русская игра, но я помню один чемпионат СССР, где из восемнадцати участников оказалось шестнадцать евреев и один татарин.

В общем, я колесил по всей необъятной родине. А на такие гиганты, как «Красное Сормово», ЧМЗ, ЗИС, ГАЗ, «Ша-

рикоподшипник» и так далее, нужен был *допуск* – это же «режимные» предприятия оборонного значения. У меня был спецпропуск.

Помню, на «Красном Сормово» меня направили в цех штампов. Не в рабочее время, понятно, а в обеденный перерыв. Металлисты сидят, «забивают козла». А «камни» не простые, не золотые, а стальные, отшлифованы как зеркало. И стол из брони. Стук как очередь из «станкача». А тут я с шашками. Мастер мне и говорит:

– Товарищ мастер в шашки (я уже был заслуженный мастер спорта, но еще не гроссмейстер), может, забьете с нами козла? А что мы русские, мы и без шашек знаем.

Думаю: а ведь верно! И кепкой об пол: черт с ней, с путевкой! В профкоме мне подписывали путевку, где указывалось, сколько рабочих слушали лекцию, сколько вопросов задали, сколько мной сыграно партий, с каким результатом. Документ для бухгалтерии. А я тогда азартный был. Сел с лекальщиком против двух слесарей. И такого мы им козла забили! Офицерского! Когда кончаешь дуплетом с двух сторон, причем одна фишка «гитлер» (шесть:шесть). При таком финале проигравшие забойщики встают по стойке «смирно».

Встали слесари, а тут как рванет! Может, станок полетел? Нет, все на месте. А что оказалось? Принесли слесарю заготовку для штампа. Закалили как положено, а отпустить за-

были. И стальной брусок разорвало, как глечик, на четыре куска. Лежат на верстаке. Какая же силища это остаточное напряжение. Мне объяснили: отпуск – не просто охлаждение раскаленной и закаленной стали, то целая наука, как обеспечить наилучшее соотношение прочности, твердости и вязкости металла и снять остаточное напряжение, возникающее при закалке.

Попросил я мастера подарить мне на память кусок той стали.

– Нельзя, мы за каждую заготовку отчитываемся. Даже стружку сдаем, чуть не каждую опилку считаем. Спецсталь! А вот от всего нашего участка единогласно дарим вам полный комплект домино. Я их целый год точил из победита⁵. Грань такая – стекла режет. Алмаз!

Вот они, «камни» стальные. Земля взорвется, а с ними ничего не сделается. Не сточатся, не разобьются, даже оцарапать их нельзя. А сыграть не с кем. Президент шашечной федерации назвал меня «гением одного хода» (он имел в виду второй ход белых: 1. gh4 ba5 2. ed4; над ним я думал почти полвека). То, что я понял, обдумал, доказал, открыл – простите за нескромность – гениально, и это важно для теории игр, математики, логики, изучения основ мышления, но это никому не нужно. Как и все мои «завиральные идеи», по словам моего сына (а внука Сашулька называет их «вруш-

⁵ *Победит* – первый в СССР сверхтвердый сплав из монокарбида вольфрама и кобальта, получен в 1929 г.

ки»), вроде «гроссмейстерского союза». А что? Почему бы не объединиться всем гроссмейстерам – шахматистам, шашистам, рыцарям Мальтийского ордена, гроссмейстеру британского ордена Подвязки – в один союз. Дружить и приходить на помощь друг другу. Пока не получается. Вот и сижу, вытаскиваю свою повесть о небьющемся человеке. Сам не представляю, кто же им станет. Но саму мысль подала внучка Сашулька.

Вырастет, станет Александра Семеновна. Может, так надо. Да и что Сашульке от нас еврейского досталось? Даже бабушкино имя Ида ей не дали. Как я просил! Имя ведь многое значит. Может и спасти, и погубить человека.

Иногда кажется: будь Сашулька Идочкой, никогда не разбила бы то, что я берег больше всего на свете... Ида не разбила бы... Потому что она придумала про желтую звезду. Эстерка мне написала. Это им в школе задали придумать сказку про звезду, когда погиб первый израильский космонавт. Ну, все знают, ракета взорвалась, кусок обшивки отлетел... И Идочка придумала. Сейчас письмо найду. Эстерка перевела для меня на русский. Идочка же не знает русского. Вот ее «Сказка про желтую звезду».

«Она была обыкновенной звездой, нашитой на пальто моей прабабушки.

Полицай аккуратно убил ее, чтоб не запачкать пальто. Отпорол ножом желтые лоскуты, втоптал в грязь. Но она же была звезда, хотя и тряпичная. И она вознеслась в небеса – к

алмазным, золотым, серебряным звездочкам. И сказала:

– Мир вам, прекрасные сестры мои!

– Ты грязный лоскут, на небе тебе нет места.

– И на земле меня ненавидят. Куда ж мне деваться?

– Убирайся, откуда пришла.

– Если б я знала, откуда... Наверное, я отовсюду».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.